

ВИТАЛИЙ ПОЛИКАРПОВ ЕЛЕНА ПОЛИКАРПОВА

A stylized red dragon is depicted in a circular, swirling pose, rendered in a traditional Chinese ink-wash style. The dragon's body is thick and textured, with its head turned back towards its tail. The background is a dark, textured brown with a grid-like pattern.

КРАСНЫЙ ДРАКОН

КИТАЙ МЕЖДУ
АМЕРИКОЙ И РОССИЕЙ

Виталий Поликарпов

**Красный дракон. Китай между
Америкой и Россией. От Мао
Цзэдуна до Си Цзиньпина**

«Алисторус»

2016

УДК 327
ББК 66.4

Поликарпов В. С.

Красный дракон. Китай между Америкой и Россией. От Мао Цзэдуна до Си Цзиньпина / В. С. Поликарпов — «Алисторус», 2016

ISBN 978-5-906842-74-9

В предложенной книге рассматривается актуальная проблема взаимодействия Америки как единственной сверхдержавы, теряющей свои позиции, восходящего нового глобального гиганта Китая и стремящейся восстановить свои геополитические позиции России. В ней излагается оригинальный подход к этой фундаментальной проблеме. Все методологические принципы, изложенные авторами позволяют обозначить контуры перспектив взаимодействия Америки, Китая и России, причем в силу множества неопределенностей в книге предлагается ряд возможных сценариев этого взаимодействия.

УДК 327

ББК 66.4

ISBN 978-5-906842-74-9

© Поликарпов В. С., 2016

© Алисторус, 2016

Содержание

Введение	6
Раздел первый	12
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Виталий Поликарпов, Елена Поликарпова Красный дракон. Китай между Америкой и Россией. От Мао Цзэдуна до Си Цзиньпина

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)».

Введение

Сейчас человечество вошло в критическую фазу своего развития, так как мировое сообщество цивилизаций находится в катастрофическом состоянии, усугубленном глобальным финансово-экономическим кризисом, источником которого является Америка. Именно в Америке родился капитализм катастроф с его корпоративным каннибализмом, получивший глобальное распространение¹. Именно на Америку приходится основная масса открытий в области фундаментальной науки и инновационных технологий. Разработка этих технологий влечет за собой ряд глобальных рисков – от астероидной опасности до функционирования Большого адронного коллайдера и ядерной войны, – способных положить конец роду *Homo sapiens*². Именно Америка в качестве ведущей державы Запада вместе с ним скользит по траектории падения, тогда как не-Запад во главе с претендующим на роль глобального лидера Китая начинает свой подъем³. Вместе с тем следует иметь в виду общие проблемы и Запада, и не-Запада, концентрировано выраженные в Америке, Китае и России, которые имеют прямое отношение к будущему человечества, а именно: противостояние деструктивной и деспотической природы глобальной корпоративной экономики и оживившегося глобального движения сопротивления⁴. Ведь организация посредством иерархии и насилия существует на протяжении 5 тысяч лет – от древних империй Востока и Запада с их изощренными инструментами контроля до транснациональных институтов глобальной экономики. Все это породило существенные проблемы, которые проявляются в опасностях для иерархически устроенных Америки и Китая: в первой просматриваются тенденции к упадку и превращению в новое Средневековье, во втором возможно осуществление на практике философии Мао Цзэдуна⁵, что будет иметь драматические последствия для России. Выход, как это зафиксировано в теории эволюции, психологии развития, философских и религиозных учениях, в данном случае один – осуществить идею «Земного Сообщества». Оно представляет собой сфокусированное на жизни стремящееся реализовать свой потенциал человека, эгалитарное, устойчиво развивающееся, построенное на принципах демократии общество⁶.

В свете изложенного становится понятным, почему сейчас значительно актуализировалась проблема взаимодействия Америки как единственной сверхдержавы, теряющей свои позиции, восходящего нового глобального гиганта Китая и стремящейся занять достойное место в мире России и перспективы этого взаимодействия. Ей посвящено множество зарубежных монографических исследований⁷, однако в нашей книге излагается оригинальный подход к этой фундаментальной проблеме на основе методологического принципа «любое явление представляет собой свернутый генезис». Именно в этот методологический подход полностью укладывается озвученная новой главой КНР Си Цзиньпином на 1-й сессии ВСНП 12-го созыва стратегия осуществления «Китайской мечты», которую он связывает со всем историческим развитием китайской цивилизации, что возможно на пути социализма с китайской спецификой. Другой методологической основой являются нелинейная динамика и теория самоорганизации (синергетика), которые показывают, что во множестве открытых нелинейных систем (каковыми выступают Америка, Китай и Россия) «цель» – желаемое устойчивое равновесие – редко достигается. «Для таких систем характерно наличие нескольких различных режимов функционирования, нескольких аттракторов (притягивающих множеств в фазовом пространстве), существование периодических, а иногда хаотических режимов. В них, по сути, “пройденный путь” не менее важен, чем “цель”»⁸. Это позволяет обозначить контуры перспектив взаимодействия Америки, Китая и России, причем в силу множества неопределенностей в книге предлагается ряд возможных сценариев этого взаимодействия на основе форсайта.

Множество неопределенностей обусловлено тем фундаментальным обстоятельством, что теперь прогресс есть не проект, а сам ход мировой истории, когда происходит смена его лидеров [здесь действует «закон неравномерного развития капитализма в эпоху империализма» (В.И. Ленин)]. Этот ход истории свидетельствует об упадке Америки и Запада в целом, и росте не-Запада, что отмечается в новейших исследованиях аналитиков. В фундаментальной книге М. Дамбисы «Как погиб Запад. 50 лет экономической неадекватности и суровый выбор впереди» доказываемая основная идея, согласно которой в последние пятьдесят лет Запад неуклонно теряет экономическое превосходство в мире: «Если в ближайшие десять лет не произойдут радикальные политические перемены, то право решать, кто чем владеет, быстро перейдет к Китаю, Индии, России или Ближнему Востоку, а сегодняшнему индустриализованному Западу гарантирован бесповоротный экономический упадок»⁹. К такому же выводу приходит и финансовый журналист Э. Вейнер в своей книге «Скрытая власть. Как разбогатевшие государства и влиятельные инвесторы контролируют мир». В ней описывается картина грядущих макроэкономических изменений, которые вызваны глубинными сдвигами капиталов и геополитической власти, когда игроками экономики будущего выступают Китай, Бразилия и др., о чем свидетельствует компьютерное моделирование в лаборатории Пентагона сценариев финансовых войн: «Разыгрывая на протяжении двухдневных учений различные сценарии, американские военные каждый раз обнаруживали, что Соединенные Штаты так и так оказываются в проигрыше. Победить не удавалось ни при каком раскладе. Что бы ни происходило в мире, и какой бы ни была ответная реакция Соединенных Штатов, они в любом случае проигрывали Китаю. Для военных стратегов такой результат стал весьма отрезвляющим»¹⁰. Радикально изменил свою позицию и Збигнев Бжезинский, который в своей последней книге «Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис» пишет следующее: «По мере того, как растет влияние Китая и как другие претенденты на мировое лидерство – Россия, Индия, Бразилия – конкурируют друг с другом за ресурсы, безопасность и экономическое преимущество, растет вероятность недопонимания и конфликтов. Соответственно Соединенным Штатам необходимо стремиться к выстраиванию более широкого геополитического фундамента для конструктивного сотрудничества на мировой арене, учитывая растущие ожидания от беспокорного мирового сообщества»¹¹. Одна из существенных проблем в данном случае состоит в том, сможет ли Китай отобрать у Америки ведущую роль на мировой арене к 2025 году. Несколько иной взгляд у Г. Киссинджера: «Различные истории и мировые культуры подчас приводят к различным выводам. Я не всегда соглашаюсь с китайскими оценками перспектив развития, думаю, и не каждый читатель с ними согласится. Важно, однако, понимать их, поскольку Китай будет играть весьма заметную роль в мире, формирующемся в XXI веке»¹². Ведь Китай теперь является экономической сверхдержавой и оказывает значительное влияние на формирование нового глобального многополюсного политического порядка.

С этой позицией солидаризируется профессор, директор Центра изучения холодной войны Лондонского экономического института Одд Арне Вестаад, который в своей книге «Беспокорная империя. Китай и мир с 1750 года» выдвинул идею о том, что Китай должен заново изобрести глобальный капитализм, а не уничтожить его. Поэтому, отмечает он, в разгар глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 годов китайские чиновники и предприниматели подвергли критике правящую элиту Запада за пороки их системы, проявившиеся в корпоративной алчности, непомерном потреблении и пр. «Кое-что из этого звучало комично, – пишет Одд Арне Вестаад, – с учетом многочисленных примеров недобросовестного ведения дел в самом Китае. Но на практике это напоминает о том, что многочисленная китайская знать сейчас видит себя совладельцами международной экономической системы, от успеха которой зависит доходность их срочных контрактов. Многие люди в Китае (и не меньше

за рубежом) мечтают о будущем “китайском капитализме” с более совершенной организацией, тщательнее уравновешенном и не таком разрушительном, как его западный вдохновитель»¹³.

На основе глубоко переработанной научной информации, относящейся к различным сторонам жизни современного Китая, экономист М. Делягин и предприниматель В. Шеянов в своей книге «Империя в прыжке. Китай изнутри. Как и для чего “алеет Восток”. Главное событие XXI века. Возможности и риски для России» подчеркивают, что эта страна вызывает у многих в мире противоречивые чувства. Это и восхищение его экономическими и социальными успехами, и надежды на взаимовыгодное сотрудничество, и интерес к экзотической культуре, и опасение растущей политической и военной мощи, и страх перед китайской экспансией – как во всем мире, так и на огромной, но пустынной российской территории от Урала до Тихого океана¹⁴. Они рассматривают реалии и мифы «желтой опасности» для России и показывают, что китайское влияние, в отличие от тотально разрушительной силы воздействия Америки для отечественного социума, не затрагивает присущих нам цивилизационных параметров, что наша территория не является привлекательной для Китая, что стратегическая важность России для Китая заключается в том, что она выступает «главным тылом» в предстоящем и неизбежном противостоянии с Америкой. Один из существенных аспектов растущего влияния Китая состоит в том, что разветвленные китайские глобальные сети, в основном неформальные, представляют собой глобальную финансовую сеть, «потенциально равнозначную группам Ротшильда и Рокфеллеров, а может быть, и им обоим, вместе взятым»¹⁵. Иными словами, китайская глобальная финансовая управляющая сеть осуществляет прорыв в глобальный управляющий класс, где до сих пор доминировало англосаксонское ядро вместе с еврейской ветвью.

Именно финансовая мощь Китая, наряду с его экономической, научной и военной мощью, дает ему возможность в будущем совместно с другими империями Востока, согласно точке зрения М. Калашникова, стать ведущей космической силой и покончить с Западом, Европейским Союзом и Америкой: «У них всех будут большие армии с ВВС, спутниками, танково-механизированными соединениями, с ракетно-ядерными арсеналами и десятками миллионов солдат. Плюс приличные военно-морские силы, чья мощь поддерживается численностью торгового и рыболовецкого флотов. При этом Восток не страдал постиндустриальным самоубийством, развивая и умножая промышленность и заводя у себя гигантские научные центры (см. пример Китая)»¹⁶. Нейтрализовать превосходство Востока в военном, особенно ракетно-ядерном плане можно только в случае, когда имеешь оружие более высокого уровня, включающее в себя орбитальные ПРО, системы нанесения ударов по наземным целям из космоса и пр. Западу, уповающему на информационное оружие с его Твиттерами и подобными социальными сетями не устоять против натиска Востока. «Не смещите меня. – пишет М. Калашников, – Цукерберг – не замена Оппенгеймеру, Вернеру фон Брауну, Сергею Королеву и Игорю Курчатову. Кстати, в США есть и свои “чаепитно”-либертарианские идиоты, ведущие дело к распаду страны на бессильные штаты. С соответствующими последствиями»¹⁷. Основания для такого вывода имеются – это результаты прошедшего в Уфе 8–10 июля 2015 года саммита БРИКС и ШОС, на котором в связи с принятием в ШОС Индии и Пакистана и утверждением планов работы Банка развития БРИКС было положено начало формированию костяка будущего «континентального блока» во главе с Китаем, Россией и Индией. Этот «континентальный блок» способен положить конец финансово-экономической «империи доллара» и глобальному военно-политическому доминированию Америки.

На совершенно иных позициях находится американский политолог и директор «теневого ЦРУ» Дж. Фридман, который в своей книге «Следующие 100 лет. Прогноз событий XXI века» исходит из того, что любое обсуждение будущего должно принимать во внимание развитие экономики Китая за 30 лет, превратившее его в мощное государство. Он излагает свою пози-

цию следующим образом: «Но 30 лет еще не означают, что подобный рост будет длиться вечно. Это скорее говорит о том, что вероятность столь же бурного развития китайской экономики все уменьшается и уменьшается. А в случае с Китаем замедленный рост приведет к значительным социальным и политическим проблемам. Я не разделяю точку зрения людей, которые считают, что Китай станет одной из главных мировых держав. Я даже не верю, что он сохранит свою территориальную целостность»¹⁸. Иными словами, Дж. Фридман прогнозирует фрагментацию Китая, его неспособность стать ведущей мировой державой, каковой станет Америка с ее золотым десятилетием в начале 30-х годов XXI столетия. Это связано также с падением и развалом России в это же время, что вызовет хаос во всей Евразии¹⁹. Такой подход к будущему России не так давно был высказан экс-госсекретарем Хилари Клинтон, когда она обвинила В. Путина в восстановлении под видом Евразийского союза Советского Союза, считая необходимым воспрепятствовать этому. Тем не менее, Россия играет весьма существенную роль в современном мире, становящемся полицентричным, на что обращал внимание Е.М. Примаков: «Россия, безусловно, является одним из полюсов многополярного мира. И после распада СССР Россия остается самым большим по территории государством на земле, расположенном на двух континентах – в Европе и Азии. В недрах России суммарно более трети мировых природных ископаемых. Кроме того, Россия унаследовала у СССР весь ракетно-ядерный потенциал и сохраняется, как единственное в мире государство, сопоставимое с США в области ракетно-ядерного вооружения.

Место России в современном мире определяется и искренним стремлением нашего государства играть одну из ведущих ролей в реальных делах по сохранению стабильности и безопасности на международной арене и все более эффективно вписываться в мировую экономическую систему»²⁰. Такой вывод обусловлен тем, что только благодаря России человечество может в XXI столетии противостоять современным вызовам и угрозам.

Благодаря глобализации новые индустриальные страны Азии используют такие новейшие технологии Запада, как аутсорсинг, который сейчас сворачивается странами Запада в той же Индии, где закрываются колл-центры, и т. д. Каждое общество не-Запада стремится осуществить адекватную его социокультурной специфике модернизацию, что придает своеобразие его прогрессу: множество обществ влечет за собой многообразие прогрессов и соответственно множество «модернизмов». В итоге складывается удивительная ситуация: «До сих пор казалось, что капитализм перемелет любую культуру, сегодня кажется, что пятитысячелетняя цивилизация Китая, тысячелетняя культура России и других стран перемелет капитализм, использует его для себя»²¹. Сейчас общества не-Запада находятся в начальной точке своего модерна (их неспособность осуществить капитализм Запада вызывает всплеск собственной архаики), тогда как социумы Запада входят во «второй» модерн с его информационными технологиями, глобальным рынком и развитием гражданских инициатив, которые ограничивают рыночные отношения.

Вполне естественно, что предложенные сценарии перспектив взаимодействия Китая, Америки и России носят дискуссионный характер, представляя тем самым немалый научный интерес. В данном случае эти гипотетические сценарии будируют мышление аналитиков, вызывают неожиданные ассоциации, позволяя очертить контуры возможного развития взаимодействия Китая, Америки и России. Несущим концептуальным каркасом изложенного в книге материала со всеми сценариями перспектив взаимодействия между Китаем, Америкой и Россией является философско-историческая гипотеза о четырех стадиях эволюции общества на протяжении «длинной реки человеческой истории» – модель реки Янцзы (долина реки Янцзы – ДРЯ), когда ее верховьям, начинающимся на Западе Китая, высоко в Тибете, среднему течению, затем нижнему течению и, наконец, устью (эстуарию) на востоке Китая соответствуют такие четыре исторические эпохи, как первобытное, аграрное, индустриальное и

основанное на знаниях информационное общество. Автор этой модели профессор Хэ Чуаньци пишет: «Река Янцзы, протяженность которой составляет 6300 километров, берет свое начало на Цинхай-Тибетском плато на западе и достигает Шанхая на востоке, на побережье Тихого океана. Она протекает через 12 регионов Китая, ее долина покрывает в общей сложности 1,8 млн км² – и на этой площади по данным на 2006 год проживает 517,2 млн человек... Большая часть ДРЯ – сельскохозяйственные регионы, в ряде которых все еще видны следы и черты первобытного общества... В средней части ДРЯ распространены сельские области, для которых характерны небольшие натуральные крестьянские хозяйства и аграрное общество... В нижней части ДРЯ, в провинции Цзянсу, ярко выражено индустриальное общество... Шанхай, расположенный в эстуарии, активно развивает новую экономику знаний, стремительно двигаясь к информационному обществу»²². Для долины реки Янцзы характерно культурное и цивилизационное разнообразие, развитие в ее четырех участках является неравномерным, что соответствует истории развития человечества. Поэтому этот феномен эволюции человеческой истории (всемирной модернизации) называют «река Янцзы как модель процесса человеческой цивилизации», начиная с 2,5 млн лет до н. э. и кончая 2100 годом н. э.

Необходимо отметить, что массмедиа России в отличие от западных СМИ не очень-то освещают жизнь современного Китая, что объясняет незнание нашими гражданами этой удивительной страны и их неспособности ориентироваться в динамично меняющемся мире политики и экономики. В этом смысле заслуживает внимания данное 29 марта 2013 года телеканалу РТР-24 интервью Си Цзиньпина, в котором он изложил основные положения своей политики, раскрыл суть своей многогранной деятельности, направленной на улучшение жизни китайского народа: «Пустые слова наносят ущерб стране», «Работать с ощущением близости пропасти», «Всегда ставить народ на наивысшее место в сердце», «Неизменной модели развития не существует», «Идти в ногу со временем – источник развития и силы», «Усугубление ситуации с коррупцией неизбежно приведет к гибели Компартии Китая и страны», «Китайский народ всегда испытывает чувство симпатии к русскому народу». Давая интервью ВГТРК во время Олимпиады 2014 г. (г. Сочи), Си Цзиньпин подчеркнул, что основная цель Китая – «совершенствовать и развивать социалистический строй с китайской спецификой, продвигать модернизацию системы и возможности государственного управления», что возможно на основе идеи планирования. Он также сказал, что «не раз читал роман Островского “Как закалялась сталь”, что много раз читал русских писателей: Крылова, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Достоевского, Некрасова, Чернышевского, Толстого, Чехова, Шолохова и т. д.»²³. Он также отметил, что прибыл на Олимпиаду, чтобы поддержать Россию и В. Путина, компенсируя тем самым отсутствие лидеров Запада. Целенаправленная политика Китая проявляется в том, чтобы уменьшить возможности Америки жить за счет других народов мира, в первую очередь за счет китайского народа. Не случайно на состоявшемся в конце марта 2013 года саммите БРИКС в г. Дурбане Си Цзиньпин сформулировал идею об ограничении потенциала Америки в различных регионах мира. Это возможно путем осуществления на практике альтернативную по отношению к западным экономическим и социальным институтам модель общества, где «большее внимание обращается на социальное обеспечение, социальное благополучие, социальную стабильность, чем просто на индивидуальные свободы»²⁴. Не случайно, что китайская социология вносит значительный вклад в одно из вероятных магистральных направлений движения к иной социологии, ведущей человечество в иной мир с его иной политикой, экономикой, культурой и пр.²⁵ Этот иной мир принципиально отличается от капитализма Запада, исходящего из утопической идеи общества как саморегулирующегося, гармоничного и прозрачного для себя рынка, выступающей одной из основ современного либерализма²⁶. Принципы данного нового, основанного на социальной справедливости мира изложены в книге Ю.В. Тавровского «Си Цзиньпин. По ступеням китайской мечты»²⁷. Без учета этого стратегического виде-

ния будущего Китая невозможно уже адекватно анализировать и решать любую региональную или глобальную проблему.

Следует иметь в виду то фундаментальное обстоятельство, согласно которому новый мир социальной справедливости рождается, согласно А. Фурсову, в происходящем столкновении нынешнего противостояния китайской (восточно-азиатской) и западной элиты с ее англо-американо-еврейским ядром, которая организована в клубы, ложи и сетевые структуры, что представляет собой интереснейший и доселе невиданный процесс: «Западная верхушка впервые столкнулась с противником, который хотя и представляет незападную цивилизацию, является глобальным игроком; до сих пор глобальным был только капиталистический Запад, опиравшийся в своей экспансии на геокультуру Просвещения»²⁸. Сложилась совершенно новая историческая ситуация, когда традиционный принцип экспансии элиты Западной Drang nach Osten столкнулся с принципом экспансии элиты Китая Drang nach Westen, что окажет решающее влияние на посткапиталистическое будущее и преподнесет немало сюрпризов. Вполне логично, что элита Запада в качестве планировщика мировых процессов уже разработала сценарии посткапиталистического будущего, в которых, подчеркивает А. Фурсов, Западу, России, Китаю, исламскому миру и остальным цивилизациям отводится следующая роль: Запад – это Первый мир, состоящий из сотен плавучих городов на 50 тыс. человек (таким образом проблема верха мировой верхушки Запада будет решена), а также одна-две сотни сухопутных анклавов для всей мировой верхушки Запада; Второй мир – Россия как буфер-сдерживатель неоварваров и источник ресурсов; Третий и Четвертый миры – театр военных действий с Китаем и мусульманским миром: «В ходе этих действий все три “актера” должны взаимно нейтрализовать-уничтожить друг друга. Ведь сказал же в свое время Бжезинский, что XXI в. будет строиться на руинах России, за счет России и в ущерб России»²⁹.

Авторы выражают благодарность за ценные советы и замечания в ходе обсуждения данной темы д.ф.н., профессору В.Е. Золотухину, к.и.н., профессору Г.А. Матвееву, д.э.н., профессору, сотруднику Института мировой экономики и международных отношений РАН В.И. Марцинкевичу, ректору Института социальных и гуманитарных наук университета Хошимина, д.и.н., профессору Во Ван Сену, декану факультета русской филологии Института социальных и гуманитарных наук университета Хошимина Фыонгу Ван Ви, профессору русского языка и литературы Пекинского университета Ли Цишэнь, вице-ректору Лиссабонского государственного университета Амалии Марии Мартинес-Лучао, китайским аспирантам Южного федерального университета Го Пэн и Лу Пин.

Раздел первый

Генезис цивилизаций Китая, Запада и России

Прежде, чем будет рассмотрен генезис китайской, западной и российской цивилизаций, следует принять во внимание тот факт, что в определенной степени история человечества представляет собой историю эволюции, состоящую из генезиса биологического вида «человека разумного» и социокультурной эволюции человеческого общества (они взаимосвязаны между собой). Эта социальная эволюция совершается в соответствии с моделью «долины реки Янцзы», имеет четыре стадии неравномерного развития и начинает процесс всемирной модернизации в XVIII столетии. Данная социальная эволюция иллюстрируется следующими двумя таблицами и одним рисунком³⁰.

Табл. 1.1. Неравномерность мирового развития: группировка стран и населения в 2001 г.

		Первобытное общество	Аграрное общество	Индустриал. общество	Общество знаний
Страны	Число	Около 188 племен	10	90	22
	Доля (%)	—	8,2	73,8	18
Население	Число (млн)	5,2	1090,3	4137,4	900
	Доля (%)	0,08	17,8	67,5	14,7

Примечание. Стандарты или характерные черты четырех стадий человеческого общества представлены в табл. 1.2. Население первобытного, аграрного, индустриального общества и общества знаний соотносится с населением, живущим или жившим охотой либо собирательством; населением, живущим менее чем на 1,08 доллара США в день (в международных ценах на 1993 год по ППС по обменному курсу); населением, вошедшим в фазу индустриального общества; населением, живущим в странах, вступивших в стадию общества знаний.

Если основываться только на уровне и структуре занятости в общественном производстве, то есть только один вид деления эволюции человеческого общества – деление на четыре стадии: первобытную, аграрную, промышленную и основанную на знаниях (см. табл. 1.2).

Согласно профессору Хэ Чуанци, типичные черты четырех этапов эволюции человеческого общества – от первобытного, аграрного, индустриального и до общества знаний – можно описать моделью долины реки Янцзы как моделью процесса человеческой цивилизации.

Именно эти таблицы и рисунок следует принимать во внимание при исследовании взаимодействия китайской, западной (североамериканской) и российской цивилизаций как составляющих мирового цивилизационного процесса. Исследование взаимодействия Китая, Америки и России невозможно без выяснения генезиса китайской, западной (в лоне которой родилась ее североамериканская ветвь) и российской цивилизаций. В данном случае мы имеем

дело с человеческим сознанием, которое дает возможность очертить перспективы развития мировой цивилизации (человечества как целого) и ее компонентов (локальных цивилизаций). В определенном смысле можно согласиться со следующим утверждением, отвечающим целям нашего аналитического исследования: «Сознание сосредотачивается, в основном, на прошлом. Феномен сознания невозможен без познания... А познанное рождается только из прошлого. И напротив... то, что мы называем прошлым, есть познанное, которое больше нельзя воспринять (воспринимаемое тождественно настоящему), а то, что мы называем будущим, представляет собой попросту непознанное. Таким образом, сознание, присутствие познанного, есть присутствие в нас прошлого»³¹.

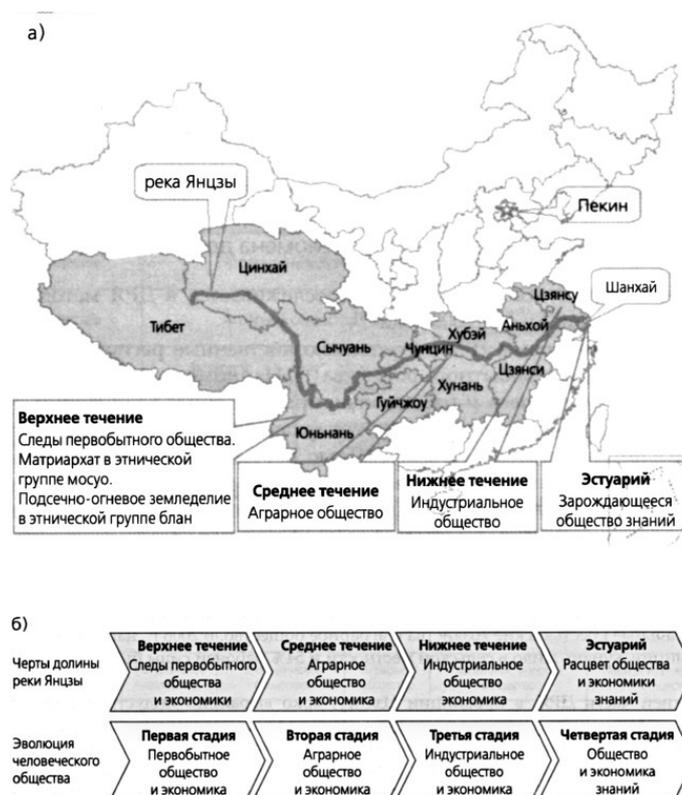

Рис. 1.1. Характерные черты четырех областей долины реки Янцзы и четыре стадии эволюции общества

Примечание. В своем верхнем течении река пересекает шесть провинций (Цинхай, Тибет, Юньнань, Сычуань, Чунцин и Гуйчжоу), в ее среднем течении расположены четыре провинции (Хубэй, Хунань, Цзянси и (частично) Аньхой), а в нижнем – две: Цзянсу и Шанхай. Большая часть провинции Аньхой тоже связана с нижним течением. Шанхай расположен практически в эстуарии реки.

Табл. 1.2. Характерные черты или стандарты классификации четырех стадий развития человеческого общества

	Первобытное общество	Аграрное общество	Индустриальное общество	Общество знаний
Характеристики	Большинство трудящихся занято охотой и собирательством (матриархат, подсечно-огневое земледелие)	Большинство трудящихся занято сельским хозяйством	Большинство трудящихся занято не сельским хозяйством, а в промышленности и сфере услуг	Большинство трудящихся занято в сфере услуг (занято в секторах, интенсивно использующих знания)
Критерии ключевых индикаторов	Доля лиц, занятых охотой и собирательством >95%. Первобытная племенная жизнь	Доля лиц, занятых в сельском хозяйстве, составляет >30%, уровень урбанизации <30%	Доля лиц, занятых в сельском хозяйстве, <30%, уровень урбанизации >50%	Доля лиц, занятых в сфере услуг, >60%. Валовой показатель обучающихся в вузах >60%

Примечание. Между двумя основными видами обществ существуют переходные стадии, а в каждой основной стадии имеются подстадии. Матриархальные общества или общества с подсечно-огневым земледелием появлялись на поздних стадиях первобытного общества независимо друг от друга.

Для четкого осознания взаимодействия Китая, Америки и России, что обусловлено способностью человеческого сознания двигаться по вектору времени от прошлого через настоящее к будущему (и наоборот), следует использовать знание о прошлом китайской, западной и российской цивилизаций. Особую роль в этом играет знание о генезисе цивилизаций Китая, Запада и России, ибо их современное состояние есть их свернутое происхождение.

Именно в процессе генезиса цивилизаций Востока и Запада (цивилизация России лежит на их перекрестке) сложились соответствующие им типы институциональной матрицы X (восточного) или Y (западного). Это означает, что необходимо считаться с тем фундаментальным эмпирическим обстоятельством, согласно которому социальная структура общества определяется целостной системой базовых экономических, политических и идеологических институтов общества. В социологической литературе существует выдвинутая исследователем С.Г. Кирдиной теория институциональных матриц, представляющих собой исторически устойчивые и постоянно воспроизводящиеся системы базовых экономических, политических и идеологических институтов и характеризующих институциональную структуру обществ – X- и Y-матрицы, которые определяют разные пути эволюции государств³². Именно тип институциональной матрицы формирует особенности функционирования и развития общества.

Суть теоретического представления гипотетической теории институциональных матриц состоит в следующем. Известные общественные подсистемы – экономика, политика и идеология – рассматриваются не столько как отдельные подсистемы, сферы общественной жизни, но как три равнозначных проекции общества, как принятая в социологической науке основная модель для описания социального действия.

Само по себе каждое такое действие, то есть осуществляемое субъектами общества и в обществе, одновременно представляет собой действие экономическое (направленное на получение ресурсов жизнедеятельности), политическое (то есть определенным образом организованное) и культурное, идеологическое («нормируемое» системой ценностей). Социальное действие, как и общество в целом, едино и феноменологически неразложимо на эти составные части. Поэтому выделение названных общественных подсистем, или проекций общества, хотя и является отражением реальности, но представляет собой, прежде всего, сугубо научное средство и имеет преимущественно теоретико-методологическое значение³³. Поэтому следует изложить основные положения теории институциональных матриц³⁴, играющей немаловажную роль в исследовании взаимодействия цивилизаций Китая, Америки и России в условиях процесса глобализации.

В самом общем виде матрица означает общую основу, схему, некую исходную, первичную модель, форму, порождающую последующие воспроизведения чего-либо. Соответ-

ственно, под институциональной матрицей понимается исходная модель базовых общественных институтов, сложившаяся еще на заре возникновения первых государств – устойчивые человеческие сообщества, способные воспроизводить свою историю. «Все последующие институциональные структуры воспроизводят и развивают, обогащают эту первичную модель, сущность которой, тем не менее, сохраняется... Итак, *институциональная матрица как социологическое понятие – это устойчивая, исторически сложившаяся система базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер – экономической, политической и идеологической*»³⁵. Другими словами, институциональная матрица представляет собой триединую социальную форму, состоящую из системы базовых экономических, политических и идеологических институтов, находящихся в неизменном соответствии. Образующие институциональную матрицу базовые институты – это своеобразная внутренняя арматура, устойчивая структура, которая «стягивает» основные подсистемы общества в целостное образование, не позволяющее обществу распасться. Таким образом, институциональная матрица является формой общественной интеграции в основных сферах жизнедеятельности социума – экономике, политике и идеологии.

Существенным свойством институциональной матрицы является ее инвариантность. «Предварительные исследования, анализ литературы, посвященной истории многих стран, и авторская интуиция позволяют предположить, что многообразные институциональные комплексы, регулирующие жизнь древних и современных государств, можно свести к двум институциональным матрицам. Одна из них – X-матрица, или восточная, поскольку характерна для большинства государств восточной части света. Другая – Y-матрица, или западная, поскольку ее имеют страны, традиционно называемые западным миром»³⁶. Такого рода дефиниция дает возможность, с одной стороны, опереться на известные в научной среде дуальные оппозиции Восток–Запад, используемые при характеристике своеобразия общественных структур. С другой стороны, символы X и Y обладают латентно присущим им смыслом, в значительной степени соответствующим природе обозначаемых этими символами институциональных матриц.

X- и Y-матрицы коренным образом различаются между собой содержанием образующих их базовых институтов, то есть формами социальной интеграции в основных общественных сферах. Y-матрица (западная институциональная матрица) образована следующими базовыми институтами: в экономической сфере – это институты рыночной экономики; в политической сфере – федеративные начала государственного устройства, то есть федеративное (федеративно-субсидиарное) политическое устройство; в идеологической сфере – доминирующая идея индивидуальных, личностных ценностей, приоритет «Я» над «Мы», или субсидиарная идеология, означающая примат личности, ее прав и свобод по отношению к ценностям сообществ более высокого уровня, которые, соответственно, имеют субсидиарный, подчинительный по отношению к личности, характер. Исследования показывают, что Y-матрица характеризует общественное устройство большинства стран Западной Европы и США.

Для X-матрицы (восточной институциональной матрицы) характерны следующие базовые институты: в экономической сфере – институты редиистрибутивной экономики (термин К. Поланьи; сущностью редиистрибутивных экономик является обязательное опосредование Центром движения ценностей и услуг, а также прав по их производству и использованию); в политической сфере – институты унитарного (унитарно-централизованного) политического устройства; в идеологической сфере – доминирование идеи коллективных, надличностных ценностей, приоритет «Мы» над «Я», то есть коммунитарности идеологии. X-матрица характерна для России, большинства стран Азии и Латинской Америки, Египта и др. X- и Y-матрицы задают отличающиеся способы общественного бытия, представляют собой два альтернативных типа «универсального консенсуса» (О. Конт), в которых обнаруживает себя социальная жизнь³⁷. Они характеризуют качественно различную социальную идентичность разного типа

обществ, убедительные иллюстрации которой даны в глубокой работе В.Г. Федотовой «Модернизация “другой” Европы»³⁸.

Необходимо отметить то немаловажное обстоятельство, что «принадлежность государства к той или иной институциональной матрице не означает, что в нем не действуют альтернативные институты и соответствующие им институциональные формы»³⁹. Как известно, в западных странах рыночные институты сосуществуют с институтами редиистрибуции, федеративное устройство включает в себя и действие политических институтов унитарного типа, а в обществе присутствуют альтернативные идеологии и ценности. Аналогичным образом в государствах с X-матрицей в экономике в той или иной мере постоянно присутствуют рыночные элементы, а в политической сфере – институты федеративного устройства. В сфере идеологии такого типа государств доминирование коммунитарных ценностей не означает полный отказ от комплекса идей, воплощающих идеологию субсидиарности.

Однако теория институциональных матриц определяет, что действует принцип доминантности базовых институтов, который «выражается в том, что в каждом конкретном обществе базовые институты, характерные для его институциональной матрицы, доминируют над институтами комплементарными»⁴⁰. Комплементарные институты носят вспомогательный, дополнительный характер, обеспечивая устойчивость институциональной среды в той или иной сфере общества. Комплементарный характер институциональных X- и Y-матриц просматривается в генезисе цивилизаций Востока и Запада, в том числе в генезисе китайской и западной цивилизаций.

Прежде всего следует отметить, что в современной науке выделяются такие первичные цивилизации, как шумерская, древнеегипетская, минойская, индийская, южно-восточноазиатская (бассейн реки Меконг) и китайская⁴¹. Раньше всех в Старом Свете сложилась шумерская цивилизация, поэтому она считается как бы абсолютно «стерильной»; немного позже стала развиваться древнеегипетская цивилизация, воспринявшая нововведения и достижения «городской цивилизации» Месопотамии; древнеегипетская цивилизация оказала заметное влияние на крито-микенскую (минойскую) цивилизацию; к шумерской цивилизации тяготела древнеиндийская цивилизация. «Строго говоря, – подчеркивает Л.С. Васильев, – проблема гомогенности всей цивилизации Старого Света практически упирается лишь в вопрос о генезисе китайской цивилизации»⁴². Проблема возникновения китайской цивилизации является гораздо более сложной, чем это может показаться на первый взгляд, поэтому не удивительно, что вопрос об истоках китайской культуры до сих пор не разрешен. И это несмотря на существование в науке ряда самых разнообразных гипотез и концепций, некоторые из которых стали достоянием истории. Более того, новейшие археологические данные заставляют переосмысливать проблему генезиса китайской цивилизации: достаточно упомянуть обнаруженные археологами под городом Шишань на юго-западе Китая гончарные изделия, которые относятся к эпохам Шан (XIV–XI в. до н. э.) и Чжоу (XI–221 г. до н. э.) и расположены в 22 км от развалин Саньсиндуй. Последнее представляет собой древнейшее царство, просуществовавшее 2000 лет и таинственно исчезнувшее с лица земли 3000 лет тому назад. «Обнаружение культуры Саньсиндуй стало одним из самых сенсационных событий в археологических кругах в прошлом столетии, тогда удалось откопать около 2000 бронзовых и нефритовых изделий. Создатели культуры обладали развитой технологией литья бронзы, а также строили ирригационные сооружения. Среди уникальных находок золотые и бронзовые маски-личины и золотой жезл с изображением человеческих голов»⁴³.

Следует иметь в виду то обстоятельство, что в многовековой китайской конфуцианской историографии подчеркивается глубочайшая древность корней китайской цивилизации, уходящих в эпоху правления легендарных мудрецов (Хуанди, Шэньнуна, Фуси, Нюйва, Яо, Шуня, Юя и других). Эти мудрецы обучили людей всему необходимому, они характеризовали собой

подлинный «золотой век», который и был китайским. Именно конфуцианство весьма остро поставило вопрос о роли и месте китайской цивилизации в мире. «Дело в том, что как бы ни решать проблему истоков китайской цивилизации, возникла она на краю ойкумены, в отдалении от других центров мировой культуры. Ее заметное и со временем все возрастающее отличие в темпах развития и культурных потенциях от окружавших ее народов не могло не найти своего отражения в идеологии. Уже в начале I-го тысячелетия до н. э. китайцы воспринимали свою страну как своеобразный центр вселенной, что нашло выражение в принятых тогда ее наименованиях – Поднебесная (Тянься), Срединная империя (Чжунго)⁴⁴. Позже, под непосредственным влиянием приобретающего все больший авторитет конфуцианства, стала складываться концепция, суть которой сводилась к тому, что главное в китайской цивилизации – это ее моральная культура, выработанные древними обычая, традиции, принципы поведения и взаимоотношений. Именно этим, а не языком, цветом кожи, разрезом глаз или еще чем-либо в первую очередь и главным образом отличаются китайцы ото всех своих соседей»⁴⁵. Иными словами, генезис китайской цивилизации на окраине ойкумены, ее темпы развития и культурные потенции определили китаецентризм («китайский мировой порядок») – принадлежность к единственно возможной и самой лучшей китайской цивилизации отличала китайцев от всех остальных, квалифицировавшихся как «варвары». Такой этноцентризм был присущ Древнему Риму, являвшемуся одним из истоков цивилизации Запада, и проявлялся в его функционировании на протяжении многих столетий. Тем не менее, необходимо иметь в виду, что китаецентризм представляет собой устойчивый стереотип, составляющий ядро китайской культуры.

Понятно, что процесс генезиса китайской цивилизации является длительным, сложным и противоречивым, имеет свои этапы, характеризуется перемещением народов, диффузией культур и впитыванием идей и технических достижений других первичных цивилизаций Старого Света. «Стимулирующее воздействие идей и технических достижений, развитых на Среднем Востоке, дав мощный толчок продвижению вперед культур Индии и Греции, лишь время от времени достигало, преодолев просторы Азии, Китая. Важность местных традиций в формировании собственно китайского стиля жизни была существенно выше. И не удивительно. Непроходимые пустыни, непреодолимые горные хребты и расстояние в три-четыре тысячи миль отделяли долину реки Хуанхэ, где зародилась китайская культура, от древней цивилизации Среднего Востока. Географические препятствия подкреплялись еще и социальным барьером, воздвигнутым примерно в 1700 г. до н. э., когда воинственность и бессмысленная жестокость варваров исключили передвижения от оазиса до оазиса на всей территории Центральной Азии как раз тогда, когда китайская культура только начинала обретать свою форму»⁴⁶. Однако генезис и развитие Китая происходило не в вакууме, у него были контакты с цивилизациями Среднего Востока (шумерской, древнеегипетской), Индии и Юго-Восточной Азии. В первую очередь, различие в методах земледелия определяло различия в обыденной жизни цивилизаций Дальнего Востока и Западной Евразии⁴⁷.

В научной литературе подчеркивается, что об истоках китайской цивилизации мало что известно, что археологические данные практически ничего не говорят о династии Ся (начало относят к 2205 г. до н. э.), которая в исторической китайской традиции считается первым человеческим (а не легендарным божественным) государством. «О династии Ся известно немного; первое упоминание об этом доме императоров встречается в классических текстах, созданных спустя две тысячи лет после описываемых событий. Очевидно, столица династии Ся, в Эрлитоу в провинции Шаньси, была основана на последней стадии развития культуры Луншань... Придворные ученые уже пользовались оригинальной системой пиктографических знаков, созданной на основе ранних символов, возникших на данной национальной почве. Более поздние

культуры почитали династию Ся за создание в период ее правления первого китайского календаря»⁴⁸.

Согласно летописям, после первого правителя Ся Юя Великого в течение 439 лет сменилось шестнадцать императоров, уступив место династии Шан примерно в середине XVIII в. до н. э. Эта династия благодаря полученному культурному наследству Ся сумела выдвинуть китайскую культуру на первое место среди азиатских культур, пошатнув тем самым позиции более древних цивилизаций: «В Месопотамии вавилоняне, наследники богатой шумерской культуры с уже сформировавшимися письменной и законодательной системами, подпали под влияние китайских племен, наступающих с северо-востока. Этот период совпал с гибелью уникальной критской цивилизации, хотя некоторые отголоски минойских культурных традиций сохранились в творчестве ремесленников греческих городов-государств. Раскинувшейся на берегах Нила империи египетских фараонов также недолго оказалось суждено наслаждаться политической независимостью: территория государства была захвачена иноземными армиями азиатов»⁴⁹. И только китайская цивилизация, принадлежащая к первичным цивилизациям Старого Света сумела сохраниться до наших дней.

Такая устойчивость китайской цивилизации объясняется взаимодействием находящихся в ареале реки Хуанхэ спонтанно эволюционирующих местных культур с иными культурами, что обеспечивало существование ее массивного ядра. Именно это ядро накапливало в себе дополнительные потенции, приобретая тем самым усиливающуюся специфичность, благодаря которой ни внутренние катаклизмы (не раз потрясавшие страну до основания), ни внешние воздействия (в том числе деструктивные нашествия иноземцев) не смогли поколебать стабильность и стереотипность мышления. «Со всяким стереотипом трудно вступать в спор. Нет слов – китайская история велика и уходит корнями в глубокую древность. На протяжении веков Китай не раз демонстрировал исключительную устойчивость и преданность традициям старины... Факты, подвергнутые сравнительному изучению, убедительно свидетельствуют о том, что процесс генезиса китайской цивилизации протекал иначе, чем это может показаться при знакомстве лишь с китайской исторической традицией. Процесс этот протекал при спорадическом воздействии извне, за счет миграций и диффузии. И только уже сложившись, приняв свой специфический облик, китайская цивилизация с соответствующими ей социально-экономическим строем и политической администрацией, культурными традициями и принципами внутренней структуры превратилась в ту устойчивую саморегулирующуюся систему, в рамках которой значимость внутренних закономерностей эволюции уже явственно превышала роль внешних контактов и культурных заимствований»⁵⁰. Здесь следует уточнить мысль о том, что процесс генезиса китайской цивилизации протекал при спорадическом воздействии с внешним миром других цивилизаций и народов на протяжении всей истории Китая.

Известный исследователь культуры Китая эпохи Тан (VII–X вв.) Э. Шефер в интересной книге «Золотые персики Самарканда» пишет: «Многовековое знакомство с различными народами и племенами не прошло бесследно. Ученые знают, что культура китайского народа, при всей ее монолитности и непрерывности развития, включает в себя множество элементов, объяснить наличие которых можно только заимствованиями. Иногда это предметы, легенды, обычаи, отдельные слова, о происхождении которых можно только строить догадки, ибо народы, от которых китайцы все это взяли, уничтожены или поглощены и давно исчезли с лица земли. В других случаях мы имеем дело с более мощными культурными пластами: с буддизмом (и буддийской культурой), пришедшим в Китай из Индии во II в. н. э., или с элементами центральноазиатской музыкальной культуры, которые неоднократно вливались в китайскую музыку на протяжении, во всяком случае, двух последних тысячелетий, и т. п.»⁵¹. Можно утверждать, что в процессе взаимодействия китайской цивилизации с другими цивилизациями ее культура

так прочно соединилась с заимствованиями, что в ее составе невозможно выделить собственно свое и чужое.

Исследования проблемы взаимодействия классовых обществ с первобытной периферией показывают, что сложившееся в средней части Хуанхэ (после середины II-го тысячелетия до н. э.) раннее классовое общество этноса хуася (одно из самоназваний китайцев) не только испытало влияние иранского, средиземноморского и индийского центров, но и взаимодействовало с «внутренней» периферией побережья Южного (Южно-Китайского в европейской терминологии) моря⁵². Этническое и культурное влияние хуася транслировалось через верхние слои культуры южно-китайской периферии, причем ее религиозная система во многом осталась своя и ряд ее элементов (например, почитание дракона) вошли в великую классическую китайскую культуру.

Каждая из великих классических культур Востока уникальна, не является исключением и китайская культура⁵³. Своеобразие, уникальность китайской традиционной культуры сводятся прежде всего к тому хорошо известному феномену, который на уровне обыденного сознания давно уже получил достаточно точное название – «китайские церемонии». Конечно, в любом обществе и тем более там, где существуют восходящие к глубокой древности традиции, немалое место занимают жестко сформулированные стереотипы поведения и речи, исторически сложившиеся нормы взаимоотношений, принципы социальной структуры и административно-политического устройства. Но если речь идет о китайских церемониях, то все отступает в тень. И не только потому, что в Китае сеть обязательных и общепринятых норм поведения была наиболее густой. В общинно-кастовой Индии аналогичных регламентов и запретов было, видимо, не меньше, однако только в Китае этико-ритуальные принципы и соответствующие им формы поведения уже в древности были решительно выдвинуты на первый план и явно гипертрофированы, что со временем привело к замене ими столь характерного едва ли не для всех ранних обществ преимущественно религиозно-мифологического восприятия мира.

«Демифологизация и даже в немалой степени десакрализация этики и ритуала в древнем Китае имели следствием формирование уникального социокультурного генотипа, бывшего на протяжении тысячелетий основным для воспроизводства и автономного регулирования общества, государства и всей культуры древнего Китая. Это имело для истории Китая далеко идущие последствия»⁵⁴. В частности, место мифических культурных героев заняли искусно демифологизованные мудрые правители легендарной древности, чье величие и мудрость были теснейшим образом связаны с их добродетелями. Место культа великих богов, прежде всего обожествленного первопредка Шанди, занял культ реальных клановых и семейных предков, а «живые боги» были вытеснены немногими абстрактными божествами – символами, первым и главным среди которых стало безлично-натуралистическое Небо. Словом, мифология и религия по всем пунктам отступали под натиском десакрализованных и десакрализирующих этико-ритуальных норм на задний план, что нашло свое наиболее полное и яркое завершение в учении Конфуция.

С концепцией обожествленного первопредка Шанди, а затем абстрактной идеей Неба сопряжена новая концепция государства, которая основана на доктрине Небесного Мандата. «Она останется практически неизменной вплоть до XX столетия, – пишет Х.Г. Крил, – за три тысячелетия в политической культуре Китая не возникнет даже сравнимой с ней по глубине и масштабности идеи... Доктрина Небесного Мандата не только требовала от правителя осознания его огромной ответственности и обеспечивала верность чиновников и вассалов; она также была той центральной скрепляющей силой, что спаивала воедино всю китайскую нацию, включая тех, кто находился в самом низу социальной лестницы... Эта доктрина устанавливала для каждого человека его собственную и в чем-то неповторимую роль в разворачивающейся исторической драме. Если государство учреждено для людей, то ни одно, даже самое законное

правительство не сможет выстоять перед лицом народного неудовлетворения и гнева»⁵⁵. Мандат Неба, как бы предоставленный универсальной духовной силой, управляющей космосом, давал правителю сохранять власть только в случае обеспечения им благосостояния народа. Это представление составляет сердцевину всей китайской культуры и цивилизации. Следовательно, китайский народ всегда имел легитимное право (и на практике использовал его) для ниспровержения и наказания несправедливых императоров.

Еще одной из особенностей китайской культуры является то фундаментальное обстоятельство, согласно которому ее функционирование определяется ученой бюрократией. Западный исследователь Э. Балаш пишет: «Если окинуть взором безбрежное море китайской истории, то нельзя не подивиться стабильности и постоянству одного фактора в жизни китайского общества, а именно – “чиновничества”, самой заметной и яркой чертой которого явилось непрерываемое господство правящего класса служилых людей – ученых... Нет ни одной области китайской культуры, от ее базовых институтов до самых отдаленных потусторонних сфер мифологии, включая литературу и искусство, в которой бы не проглядывала и не сказывалась их роль». И далее он называет служилых ученых «доминирующей социальной группой, характерной только для Китая и неизвестной другим обществам»⁵⁶. Появление этих служилых ученых (ши) восходит к империи Шан, где они относились к непосредственным родственникам царей и выступали в качестве священников-писцов. Их роль изменилась в империи Восточного Чжоу, где они стали дворянами, исполняя и функции рыцарей, и чиновников, полагаясь на свои личные качества.

«Изменения, которые произошли в обществе в период Восточного Чжоу, дали *ши* небывалые возможности для личного продвижения по служебной лестнице, к славе и богатству. Некоторые *ши* вполне удовлетворялись военной службой, работой в административном аппарате или даже коммерческой торговле, многие же из них предлагали новым правителям свои экспертные услуги. Поскольку в тот период общество стало более сложным, а жизнь – чреватой непредсказуемыми событиями и испытаниями, находящиеся во власти часто были в затруднении насчет того, как лучше привести в порядок свое царство, чтобы сохранить безопасность его границ и улучшить благосостояние своего народа. На помощь этим новым правителям пришли именно *ши* – образованные эксперты, советники, мыслители, философы, называйте их как угодно, – каждый из которых считал, что нашел уникальный ключ к политическому и социальному успеху»⁵⁷. Все эти эксперты совершали свои путешествия по империи и предлагали свои услуги местным правителям в качестве советников. К ним относятся Конфуций, Сунь-цзы, Мэн-цзы или Мо-цзы, чьи имена почитаются и чьи сочинения используются до сих пор.

Наконец, уникальной особенностью китайской культуры (цивилизации) является то, что она обладает языком шести тысячелетнего возраста, выражаемого иероглифической письменностью. «Мир никогда не знал более уместно применяемой каллиграфии, даже с учетом того, что западному глазу все еще сложно исчерпывающе оценить красоту и глубину этого письма или понять эстетическое послание, содержащееся в его линиях. Характер письменного языка и использование для письма кисти и чернил явились залогом того, что написание иероглифов стало составной частью истории китайской живописи»⁵⁸. Именно иероглифическая письменность скрепляет китайскую культуру, поскольку, несмотря на существование множества диалектов, именно она всегда использовалась прежде всего для записи официальных документов. Специфической чертой иероглифической письменности является то, что «китайское письменное слово добивается эффекта действия, что обычно присуще устной речи»⁵⁹. Иероглифическая письменность не является аналитичной, она выразительна, она нацелена на то, чтобы обрисовывать мысль, вызывая определенное чувство.

Все эти процессы формирования классической китайской культуры весьма интенсивно протекали в периоды Шан и Чжоу, когда сложилась сложная политическая организация, соб-

ственно китайская иероглифическая письменность с ее унифицирующей силой, иерархическая структура и пр. Прежде всего, следует рассмотреть технологии системы управления китайской цивилизации, которые обусловили ее необычайную устойчивость на протяжении нескольких тысячелетий. Понятно, что существенную роль сыграла система государственной власти со всеми своими технологиями, утвердившаяся в империи Чжоу (1122–256 гг. до н. э.) и ставшая «фундаментом функционирования китайской имперской машины во все последующие времена»⁶⁰. Следует иметь в виду то фундаментальное обстоятельство, согласно которому именно в этой империи была создана предельно централизованная бюрократическая машина государства, аналогичная современной бюрократии.

Действительно, в западночжоуской империи были созданы такие эффективно действующие институты высокоцентрализованной имперской бюрократии, как чиновничий аппарат, занимавшийся прежде всего бумажной работой (ведение и учет статистических данных, сохранение летописей и пр.), финансовая система, правосудие и законодательство⁶¹. По контролируемой территории западночжоуская империя превосходила территории Франции, Бельгии и Нидерландов вместе взятых. Существенной особенностью и свидетельством эффективности управления было то, что западночжоуская империя решала все свои проблемы практически без применения военной силы, что ее правление основывалось не столько на силе, сколько на легитимности в глазах покоренных народов⁶². Эта легитимность достигалась путем создания психологического и культурного вакуума вокруг покоренных этнических общностей, не желающих сотрудничать с властями.

История показывает, что в Китае (и в других странах тоже) насильственное переселение тех или иных этнических общностей применялось для того, чтобы подавить их дух и волю к неповиновению. Массовое переселение целых народов практиковалось не только в западночжоуские времена, но и в последующие исторические эпохи. В 221 г. до н. э., после окончательного покорения всей страны, император Цинь «перевез в Сяньян (свою столицу) всех известных и богатых людей империи, всего сто двадцать тысяч семей», основатель ханьской династии точно также переместил сто тысяч человек из «влиятельных семей» в столичную область, чтобы предотвратить возможные осложнения для нового режима. Это лишь некоторые из наиболее ярких примеров массовой транспортировки (депортации) больших групп в древнекитайской истории. «Цель ее, как указывают рекомендуемые меры документы, была двоякой: перевезти людей туда, где их можно жестче контролировать, и одновременно обескровить их, оторвав от привычной обстановки и связей»⁶³. Таким образом подготавливалась основа для восприятия непокорными этническими группами господствующей культуры и происходило объединение завоеванных империей земель в одно целое.

Немаловажным является то, что в западночжоуской империи существовало централизованное управление, в системе которого функционеры должны были четко исполнять то, что им предписано; отбор чиновников производился больше на основе личных качеств, нежели на основе рангов и званий; эффективно использовались письменные записи и счета; соблюдался принцип уравнивания и сдерживания придворных чиновников и удельных князей⁶⁴.

Существенным для эффективности системы управления является наличие хорошо отлаженной обратной связи, позволяющей отслеживать исполнение решений верховной власти. Так, для традиционной китайской государственной службы характерна обязанность местных властей представлять в столицу отчеты и доклады, а также данные о выполнении поручений подчиненными. «Качество службы характеризовалось как “отличное”, “среднее” или “низкое”. Определенное место уделялось личной характеристике, способностям читать, писать, делать расчеты, уровню знания законов, отмечался вес и возраст работника и даже расстояние, на котором находился его родной дом от конторы. Отдаленность, очевидно, в некоторой степени удерживала от коррупции, но, вероятно, не имела никакого значения для высших чинов. Пред-

ставленные отчеты в ряде случаев становились причиной продвижения по службе или перевода»⁶⁵. Чиновник, который становился служащим центральной администрации, принимал участие в принятии решений, определяющих функционирование империи⁶⁶.

Именно эта эффективная система управления выступает одним из факторов, который придал китайской цивилизации сверхустойчивый (ультрастабильный) характер. Данный феномен объясняется в концепции китайских историков Цзинь Гуаньтао и Лю Цинфэн⁶⁷, основанной на теории стабильности (устойчивости) и сверхстабильности (сверхустойчивости) живых организмов как целостных систем в трудах Н. Винера и У.Р. Эшби. Согласно У. Эшби, «то, что стабильность системы есть свойство системы, как целого, связано с тем обстоятельством, что наличие стабильности всегда предполагает известную координацию в действии частей друг на друга»⁶⁸.

Ультрастабильная (сверхустойчивая) система обладает способностью к перестройке и характеризуется следующим образом: «если главные переменные такой системы связаны между собой так, что их поле нестабильно, она будет изменять это поле до тех пор, пока оно не сделается стабильным»⁶⁹. Затем У. Эшби излагает цепочку условий, необходимых для достижения состояния ультрастабильности: «Для того чтобы естественный отбор привел к выработке ультрастабильности, необходимо и достаточно, чтобы существовала последовательность форм от самой простой до самой сложной, причем каждая последующая форма должна давать лучшие шансы на выживание, чем предыдущая... переход от первоначальной системы к ультрастабильной может совершаться путем длинного ряда небольших изменений, каждое из которых повышает шансы на выживание»⁷⁰.

Наряду с этими идеями У. Эшби Цзинь Гуаньтао и Лю Цинфэн заимствуют у Н. Винера мысль о стремлении организма или общества «к тому, чтобы большее время функционировать таким образом, когда различные части работают согласованно с более или менее имеющей смысл моделью»⁷¹. С точки зрения Н. Винера, каждому организму присуще стремление сохранить и даже повысить уровень своей организации, поддерживать гомеостаз, то есть органическое равновесие, используя комплексы обратной связи⁷². Китайские историки, используя понятие «феодализма» в применении к китайскому социуму, показывают причины его сверхустойчивости⁷³.

Суть концепции сверхустойчивости китайского феодального общества (она принципиально отличается от теории сверхстабильности органических систем, разработанной У.Р. Эшби) состоит в том, что она в своеобразном виде выражает его консервативность. Существенно то, что сверхустойчивость отнюдь не есть статичность, ибо традиционная социальная система, императорский строй на протяжении тысячелетий, несмотря на периоды упадка и гибели, периодически восстанавливался.

Гипотеза историков Цзинь Гуаньтао и Лю Цинфэн позволяет объяснить данную особенность китайской империи сохранять единство народа и централизованного государства. Дело в том, что ни крестьянство, ни император сами по себе не являются теми организующими факторами, которые на протяжении длительного времени сохраняют в целостности крупное государство. Такой организующей силой в Китае стал особый слой образованных людей – *шю*; этот слой поставлял кадры для системы управления и поддерживал функционирование огромной феодальной империи⁷⁴. Воспитанные в конфуцианском духе *шю* не только были носителями и хранителями культурных традиций, но и силой, интегрирующей различные части империи в единое целое. Особенностью *шю* является то, что в качестве чиновников они долго не засиживались на одном месте, они перемещались из одной провинции в другую, что мешало превращению бюрократии в аристократию. «Конфуцианское учение, лежавшее в основе воспитания чиновников, способствовало выработке единых норм и правил государственного управления,

выполнению функций контроля над поведением чиновников, а также обеспечивало согласованность и координацию их деятельности в различных районах огромной страны. Особенностью бюрократического аппарата в Китае было то, что его деятельность осуществлялась на уровне провинций и уездов. На низшем уровне (волости и села) делами ведали лица, не входившие в официальный аппарат власти, но наделенные знанием конфуцианских этических норм, а потому в идейном и культурном отношении близкие к чиновникам, состоявшим на императорской службе. Они осуществляли связь между бюрократией и народом. Благодаря этому в Китае сложилась система, которую можно назвать ультраорганизацией. Именно она и обеспечивала стабильность государства, его долголетие. Единое учение было той опорой, которая поддерживала единство страны, обеспечивала ее внутреннюю организацию»⁷⁵. Социальная система императорского Китая была хрупкой, поэтому для ее сохранения немаловажным было искусство государственного управления, благодаря которому поддерживалось равновесие между экономической, политической и идейно-культурной структурами. Отличаясь от биологического организма, китайская социальная система нашла такие средства саморегулирования, самонастройки, которые продлевали существование системы в целом. Саморегулирование, самонастройка китайской системы были эффективными благодаря хорошо налаженному механизму контроля за всеми протекавшими в обществе процессами, что достигалось существованием обратной связи между столицей и провинциями.

Именно в конце западножюуской династии произошло изменение прежнего социального порядка, когда главную роль стала играть не родовая аристократия, а бюрократия, чиновничье сословие (ши)⁷⁶. В результате эволюции системы управления появилась крупная, эффективная и лояльная бюрократия эпохи Цинь, когда все чиновники назначались из центра. Сменившая ее династия Хань создала теоретическую основу китайской системы управления государством, провозгласив конфуцианство официальной государственной идеологией. «Конфуцианство соответствовало целям и последующих династий, поскольку объединяло императора, государство и семью в единую, всеобъемлющую этическую систему. Бюрократическая монархия, основанная на конфуцианстве, просуществовала две тысячи лет»⁷⁷.

Именно этический характер китайской бюрократической империи явился одним из факторов ее необычайной стабильности, прочности и живучести, несмотря на различного рода возмущения социокультурной системы Китая. Действительно, в эпоху, когда Древний Рим переживал свой расцвет, а потом упадок, на другом конце евроазиатского континента в китайской империи господствовала династия Хань, начало которой относится к 206 г. до н. э., когда мощные крестьянские восстания смели правящие предыдущие династии. Для нее характерно то, что в учении Конфуция этическое начало значительно преобладало над религией, что разум доминировал над чувствами. Этическим нормам подчинена была вся общественная жизнь – все жизненные, в том числе и религиозные, проблемы китайцы рассматривали через призму морали. «В самой религии они видели не столько мистику, метафизику или теологию, сколько прагматичную и рациональную мораль, тесно связанную с жизнью людей»⁷⁸. Другими словами, чтобы понимать менталитет китайцев, следует иметь в виду особенности их *веры*, которая имела нерелигиозный характер. Китайцы никогда не верили, что бог создал человека по своему подобию и образу, единственной аксиомой их мышления является то, что человек не имеет ценности перед лицом Природы. Их единственным катехизисом выступает стремление найти в Природе уголок, в котором можно отдалиться созерцанию величия мира⁷⁹. Вполне естественно, что правящая ученая бюрократия использовала в качестве эффективного управления не религию, а светскую этику.

Обычно столпами имперского правления считаются религия, армия и бюрократия, однако только в Китае вместо религии существенную роль играло конфуцианство в «отеческой» и «правовой» формах⁸⁰. Согласно первой форме, империя представляла собою огром-

ную семью, в которой младшие и подчиненные обязаны быть почтительными к старшим и вышестоящим. Вторая форма «конфуцианства» акцентировала внимание на значимости дисциплины и предписывала строгие наказания для нарушителей равновесия заданной Небом социальной структуры. Ведь непреходящая заслуга этической системы Конфуция состоит в том, что сумел нащупать одну из самых больных и самых неразрешимых проблем человечества и дал ее решение. «Эта проблема столь же проста, сколь и неразрешима: носитель власти должен быть принципиальным, иначе это уже не политическая власть, а нечто другое, но как заставить власть быть принципиальной? Именно на этот вопрос, актуальный и для современной России, попытался ответить Конфуций. Современный ответ на этот вопрос известен: управление тем совершеннее, чем совершеннее действующее в нем законодательство. Но опыт показывает, что закон имеет тенденцию в некоторых исторических ситуациях вертеться “как дышло”, так что иногда возникает даже вопрос: как лучше, с ним или без него? В Древнем Китае также знали об этой особенности законодательной базы и прилагали массу усилий для того, чтобы найти более совершенный путь. Дилемма формулировалась таким образом: либо правление людей, либо правление нормативных установлений»⁸¹. Данная дилемма была решена Конфуцием посредством введения концепции «совершенного мужа», исходящей из того, что наиболее оптимальным вариантом является «правление людей» (*жэнь чжи*). Поэтому основным является подготовка представителей власти в духе гуманизма и бескорыстия. В качестве примера можно привести контроль правительством распределения товаров на справедливых и разумных началах: «Так, в ханьском Китае впервые предпринимались попытки регулирования денежного обращения, установления государственных монополий или стабилизации цен»⁸².

Именно в Древнем Китае был осуществлен перенос интеллектуальных усилий с внешних средств управления на личность самого управляющего, что наложило отпечаток на всю китайскую цивилизацию, где этика господствовала над правом. «Кроме того, сосредоточение интеллектуальных усилий на том слое населения, который должен был управлять обществом, сделало этих кандидатов на управляющие должности главными носителями традиционной китайской культуры, что резко отличало древнекитайскую цивилизацию от всех остальных. Существенно и то обстоятельство, что Конфуций прежде всего обратил свой взгляд на тех, чьи претензии на власть не были подкреплены ничем, кроме их личных качеств»⁸³.

В китайском обществе периодов *Чунь цю* (722–481 гг. до н. э.) и *Чжань го* (Воюющих государств) (403–221 гг. до н. э.) к ним относились «благородные мужи» (*ши*), о которых уже шла речь выше. Они располагали в борьбе за жизнь и место в обществе лишь своими личными способностями, поэтому *ши* создали определенный стиль поведения, для которого был характерен ярко выраженный индивидуализм (*гэжэнь чжи*). «Надо признаться, что нам, носителям европейской культурной традиции, довольно трудно воспринять конфуцианский идеал человека. Для нас таким идеалом до сих пор является человек Возрождения, все усилия которого сосредоточены на предельной самореализации, во имя которой он готов проявить чудеса героизма. Пожалуй, именно отсутствие героизма в конфуцианском идеале особенно мешает нам признать *цзюнь-цзы* идеальным типом личности, да, может быть, еще вытекающая из этого отсутствия несостязательность *цзюнь-цзы*, на которой так настаивал Конфуций. Но именно эти черты и вносили свою главную лепту в удивительную стабильность китайского социума, стабильность, которая до сих пор очень высоко ценится китайскими политиками. Поскольку китайцы еще в древности сделали один из главных социополитических выводов – не сила оружия, а стабильность социума представляет собой наиболее могучее средство решения всех общественных проблем»⁸⁴. В этом фрагменте подчеркивается своеобразие китайского идеала ученого бюрократа (бюрократа-книжника), обусловленное отсутствием героизма и несостязательности в управлении⁸⁵, в отличие от систем управления Запада (в русской модели управления, в отличие от китайской и западной, акцент делается на конкуренции администраторов⁸⁶).

Поскольку «благородные мужи» (*ши*) или «совершенные мужи» (*цзюнь-цзы*) своим личным капиталом имели свои способности и моральные добродетели, постольку они создали в рамках конфуцианства систему конкурсных экзаменов. Именно эта система конкурсных экзаменов, действующая на протяжении тысячелетий, и способствовала стабильности государства и эффективному функционированию чиновничье-бюрократического аппарата. «Конфуцианство стало в руках высших слоев Китая эффективным орудием господства над народом. Патернализм и официально провозглашенные лозунги примата морали маскировали эксплуататорский характер чиновничье-бюрократического государства, в котором функционировала совершенная организованная система государственной барщины»⁸⁷.

Китайская империя в период господства династии Хань была поделена на 13 провинций и 1314 префектур, а численность чиновников на центральном, провинциальном и префектурном уровнях оценена в 130 тысяч человек. Бюрократия составляла основной аппарат управления государством, однако это привело также к торможению развития империи. Распространение конфуцианства неразрывно связано с расширением образования, необходимого для формирования образованного слоя ученой бюрократии. «Высшее училище (философская академия), созданная в 124 г. до н. э., учило пониманию сложной доктрины, опирающейся на чтение пяти классических книг и на комментариях к ним (*Книга Перемен, Древняя история, Книга песнопений, Весна и Осень, Книга церемоний*)... Каждый учитель обучал только одной книге и только одной интерпретации. Поэтому в Высшем училище существовало по каждой книге столько кафедр, сколько было возможных интерпретаций (в I в. н. э. таких кафедр насчитывалось 15). Каждый учитель обращался к двенадцати помощникам, которые собственно и занимались с учениками. В 130 г. н. э. Школа насчитывала 1800 учеников и 30 000 слушателей. Суровые экзаменационные испытания завершали учебу»⁸⁸. Поэтому вполне естественно, что во времена господства династии Хань чтение и штудирование классического канона конфуцианских произведений было признано занятием, достойным высшего признания. Таким образом, возникла светская элита «интеллектуалов», которая обладала монополией на образование, она умела читать и понимать конфуцианские произведения. Она стала своего рода кастой, господствующей над остальным обществом и считающей схоластическую мудрость самым совершенным произведением цивилизации. Только владение этой мудростью, состоящей из давно сформулированных и признанных идей, давало человеку право занимать высшее место в государственной и социальной системе. На практике это право реализовалось посредством конкурсных экзаменов, которые были введены и распространены в эпоху господства династии Хань.

Конфуцианцы превратили конкурсные экзамены в основной и почти единственный способ достижения высших уровней в социальной и служебной иерархии. В связи с этим большое социальное значение приобрели экзамены, возник своеобразный культ экзаменов и полученных после их сдачи степеней⁸⁹. Программа этих экзаменов, совокупность обязательных лекций, требуемый способ сознания, а также подбор кадров учителей и экзаменаторов были сугубо конфуцианскими. Таким образом, система экзаменов стала в руках конфуцианцев орудием сохранения их господства и гарантировала в рамках бюрократической структуры китайской империи невозможность замены конфуцианской теории и практики чем-то другим (в отличие от современных систем экзаменов конфуцианская система экзаменов была нацелена не на установление профессиональной квалификации, а лояльности, послушания). Тем не менее, «особое значение придавалось развитию умственных способностей, поскольку в первую очередь именно это качество требовалось для назначения на должность»⁹⁰. Вполне понятно, что с первых дней существования китайских империй были созданы механизмы отбора и подготовки образованных чиновников, необходимых для решения серьезных проблем управления.

Такого рода система управления общества не давала простора для развития общества, не мог также Китай проявить большей внешней экспансии, однако именно эта система обеспечила

Китаю значительную стабильность. Несмотря на то, что в ту же эпоху, когда наступил упадок Рима, династия Хань имела проблемы с аналогичными трудностями, китайское государство не распалось подобно Риму и осталось существовать, хотя сменился ряд династий. На протяжении многих веков сохранились также бюрократическая китайская система и иерархия, основанная на ступенях, получаемых на очередных экзаменах.

Функционирование этой иерархической системы происходило в условиях гомогенной по своему характеру китайской культуры, которая в силу этого является доступной для широких слоев населения. В данном случае процесс воспроизводства гомогенной культуры и социальной гетерогенности китайского общества, как показал известный социолог Ш. Эйзенштадт, характеризуется тремя отличительными признаками: «Во-первых, важное значение придавалось общему соответствию между центральными и периферийными группами как членами одного и того же культурного порядка. Во-вторых, участие в общем культурном порядке ограничивало количество аскриптивных положений по отношению к центральным позициям. В-третьих, центральные элиты стремились регулировать не только коллективные цели и идентичность различных слоев и групп, но также использование ресурсов, находившихся в их распоряжении»⁹¹. Центральные элиты стремились не давать местным элитам использовать ресурсы для прямого доступа к центру, направляя их по монополизированным ими каналам. Многие периферийные общности имели возможности, чтобы некоторые из их членов кооптировались в состав центральной элиты, например через систему экзаменов и получение ученой степени (*ученые-книжники*). Отсюда следует вывод о том, что в Китае (и в России тоже) существовало четкое разграничение между владением ресурсами и контролем за их использованием.

Все эти перечисленные особенности институциональной регуляции, согласно Ш. Эйзенштадту, привели к четырем важным следствиям для жизнедеятельности китайского общества и его бюрократической императорской системы. Во-первых, была выработана относительно четкая идеологическая оценка различных профессиональных статусов. Наивысший престиж был у *ученых-книжников* и в определенной степени – у *землевладельцев*, за ними следовали крестьяне, затем торговцы и военные; наименьшим престижем обладали бродяги, нищие, комедианты и т. п. Во-вторых, конфуцианская картина общества была сопряжена со строгой нормативной фиксацией образа жизни и коллективной идентичности различных социальных слоев. В-третьих, семейные кланы служили главными агентами социализации, культивировали наряду с этим специфический образ жизни, присущий соответствующему социальному слою или определенной провинции. В-четвертых, высшие группы (*книжники* – обладатели ученых степеней и *чиновники*) имели высокую степень сознания и солидарности единого для всей страны класса. «Такое сознание было укоренено в общей культурной традиции, в использовании одних и тех же каналов социальной мобильности и в том факте, что эти каналы (школы и академии) были в определенной степени независимы от центра, хотя и очень на него ориентированными»⁹². Данное классовое сознание правящей императорской бюрократии реализовывалось в известной организационной автономности различных школ и академий.

Остальные социальные группы (*крестьяне, торговцы и др.*) в силу отстраненности от центра и отсутствия прямого доступа к нему оказались способны выработать широкое классовое сознание. Хотя официально такой доступ поощрялся, он был предоставлен не самим социальным слоям, а только индивидам, которые выступали членами этих слоев, но отнюдь не их представителям. «Процесс социальной мобильности в Китае был тесно связан с особенностями формирования классового сознания... Для Китая был характерен тип протезируемой мобильности, которая была ориентирована на достижение того или иного социального статуса в строгих институциональных рамках... По крайней мере, мобильные выходцы из крестьянства и, очевидно, также из других слоев, переходя в новый социальный статус, сохраняли преемственность с образом жизни тех групп, из которых они происходили»⁹³. Следовательно, именно

такого рода социальная мобильность в императорском Китае выступала одним из основных механизмов, которые поддерживали стабильность конфуцианской системы.

Значительную роль в стабильности императорского Китая на протяжении тысячелетий сыграла философия. Необходимо иметь в виду то существенное обстоятельство, что китайская философия является прежде всего философией управления: именно она лежит в основе необычайной прочности китайской системы управления. Как отмечает отечественный синолог В.В. Малявин, «своей необыкновенной устойчивостью китайская империя была в большей степени обязана разумно устроенному и отлаженному государственному аппарату – одному из самых примечательных достижений китайской цивилизации»⁹⁴. Сам же этот государственный аппарат представляет собой воплощение основных идей китайской философии управления, равной которой не существует в истории человеческого общества. Здесь нам приходится сталкиваться с особенностью самой китайской философии, обусловленной ее генезисом. Ведь китайская философия со всем многообразием ее школ и направлений прямо или косвенно связана с управлением и этикой, которые всегда находятся на переднем плане интеллектуальной практики.

Сам генезис китайской философии был органически связан с проблемой управления как социумом, так и окружающей своенравной и непростой природой в период культуры Лушань. С этих времен китайцам присущи приверженность к их традиционной государственности и поистине священный трепет перед нею – ведь эта власть имела и религиозный, и моральный смысл, причем китайская империя вплоть до начала XX столетия «сохраняла в себе черты архаических верований»⁹⁵. В основе управления китайским социумом и функционирования государства лежат принципы органицистской философии, что и объясняет необыкновенную устойчивость китайской цивилизации. Характеристика органицистской философии, лежащей в основе управления китайским социумом и объясняющей его необычайную живучесть, резюмируется В.В. Малявиным следующим образом: «Государство и весь мир рассматривались как подобие живого тела, и одним из главных свойств мудрого правления считались проницаемость, “проходимость” (*тун*) всех каналов циркуляции “жизненной энергии” в мире – как в природе, так и в обществе. Положение индивида приравнивалось к его врожденному уделу. В следовании своему уделу, утверждали идеологи империи, все люди равны, несмотря на неравенство их положения. Идеальное общество должно было функционировать совершенно естественно; жизнь в нем следовало устроить по образцу *муравейника* или *пчелиного улья* (курсив наш. – В.П., Е.П.). Мудрость же правителя в том и заключалась, чтобы “сполна использовать” природные задатки каждого. А поскольку любое действие имеет символический смысл и те, кто понимает его, будут обладать властью, в мире вечно будет существовать разделение на управляющих и управляемых»⁹⁶.

Практические последствия органицистской философии управления являются весьма весомыми, так как они обуславливали значительную устойчивость китайского социума. Неповиновение правителю рассматривалось не просто как уголовное преступление и нарушение моральных устоев, но и как нарушение основы живого вселенского организма⁹⁷. Не случайно управление китайским социумом сравнивается с управлением водным потоком – не требуется усилий, чтобы заставить воду течь туда, куда она влечется по своей природе, однако и путь преградить ей невозможно.

Именно китайская философия, акцентирующая внимание на теории управления, лежит в основе необычайной устойчивости китайской цивилизации, несмотря на то, что для нее характерно немалое число смены различных императорских режимов. Так как китайские философы занимались «теорией управления» обществом и поведением человека, то они обычно служили при ванах (царях) и императорах в качестве советников или сами были высокопоставленными чиновниками. Одной из кардинальных особенностей китайской философии является то, что

она никогда не находилась на положении служанки религии и схоластики. «Любая религия в Китае, – отмечает М.Л. Титаренко, – чтобы получить право гражданства в обществе, должна была прежде всего пройти барьер философского образования, получить у веротерпимой философии право на существование»⁹⁸.

Сегодня многочисленными исследованиями китайской культуры установлено, что китайцы гораздо меньше уделяют внимание религии, чем другие народы. Так, в статье «Основные идеи в формировании китайской культуры» профессор Д. Бодде пишет: «Они (китайцы) не являются тем народом, для которого религиозные идеи и деятельность составляют самую важную и всепоглощающую часть жизни... Именно этика (особенно конфуцианская), а не религия (по крайней мере, не религия формального, организованного типа) дала китайской цивилизации духовную основу... Все это, конечно, фундаментальным образом отличает Китай от других крупнейших цивилизаций, в которых ведущую роль играли церковь и священнослужители»⁹⁹. В связи с этим возникает вопрос: почему сложилась такая ситуация с религией в Китае, почему его цивилизация является светской? Если жажда того, что выходит за пределы данного реального мира не является одним из сокровенных желаний человечества, почему же для большинства народов религиозные идеи и религиозная деятельность составляют самую важную и всепоглощающую часть жизни? Если эта жажда является одним из фундаментальных желаний человека, почему китайцы должны быть исключением? Когда говорят, что этика, а не религия, дала духовную основу китайской цивилизации, означает ли это, что китайцы попросту не понимают ценностей, которые выше нравственных?

Свой вариант ответа на вышеперечисленные вопросы Фэн Ю-лань дает на основе следующих рассуждений. Существуют наряду с нравственными ценностями сверхнравственные: любовь к человеку – это нравственная ценность, в то время как любовь к богу – ценность сверхнравственная. Некоторые склонны называть таковую сверхнравственную ценность религиозной, однако, она не ограничивается религией, по крайней мере, постольку, поскольку понимаемое в данном случае под «религией» отличается от описанного выше. Так, любовь к Богу в христианстве – это ценность религиозная, а в философии Спинозы она таковой не является, ведь Спиноза под Богом фактически понимал космос. Строго говоря, любовь к Богу в христианстве не является в действительности сверхнравственной, так как в христианстве Бог персонафицирован, поэтому любовь к нему со стороны человека сравнима с любовью сына к отцу, что уже представляет собою нравственную ценность. Поэтому вопрос о любви к Богу в христианстве как о сверхнравственной ценности остается открытым, это – квазисверхнравственная ценность, тогда как в философии Спинозы любовь к Богу – подлинно сверхнравственная ценность. «Отвечая на вышеперечисленные вопросы, мы бы сказали, что жажда выходящего за пределы актуального мира действительно является одним из сокровенных чаяний человечества, и китайцы не представляют здесь исключения. Они не слишком заботились о религии потому, что были весьма озабочены философией. Они не религиозны только потому, что философичны. Именно философия утоляет их жажду запредельного. В философии выражены и различены их сверхнравственные ценности, в жизни в соответствии с философией они переживаются»¹⁰⁰. Другими словами, философия является самосознанием культуры, ее интегральным ядром, фокусирующим в себе высшие ценности, придающие смысл человеческой жизни.

Религия пытается объяснить действительность, однако ее объяснения не согласуются с наукой, что на Западе привело к конфликту между ними (только недавно католическая церковь признала равноправие веры и разума, то есть религии и науки). Там, где наука наступает, религия отходит на второй план, и ее авторитет отступает перед продвижением науки. Традиционалисты печалятся по этому поводу и жалеют людей, ставших нерелигиозными, считая их «вырожденцами», что справедливо в том случае, когда они не имеют иного, кроме религии, доступа к высшим ценностям. Когда люди избавляются от религии и не получают ничего вза-

мен, они утрачивают также и высшие ценности, ведь они вынуждены ограничиваться земными делами и лишаются духовности. На основе таких рассуждений Фэн Юлань делает следующий вывод: «К счастью, кроме религии есть еще и философия, которая открывает человеку путь к высшим ценностям – путь даже более прямой, чем религиозный, потому что в философии человеку, чтобы прикоснуться к высшим ценностям, отнюдь не обязательно блуждать окольной тропой молитв и ритуалов. Высшие ценности, с которыми человек соприкасается благодаря философии, даже чище обретаемых через религию, ибо не смешаны с воображением и суеверием. В мире будущего место религии для человека займет философия. Это следует из китайской традиции. Нет необходимости в том, чтобы человек был религиозным, но ему необходимо быть философичным. Когда он таков, он обретает самое лучшее из религиозных благословений»¹⁰¹

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.